
Кара Мин
Свёкор
Я тебя не отдам
18+

Кара Мин

Свёкор. Я тебя не отдам

«Автор»
2026

Мин К.

Свёкор. Я тебя не отдам / К. Мин — «Автор», 2026

Когда Анна узнала об измене мужа, мир рухнул. Когда свёкор предложил остаться в его доме — напряглась. Когда приказал не запирать дверь — испугалась. Но настоящий страх пришёл позже: когда она поняла, что ждёт его прихода.Свёкор не терпит слабости. Он не прощает предателей, даже если это его сын. И он уже всё решил за Анну.

© Мин К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Кара Мин
Свёкор. Я тебя не отдам

Глава 1

Загородный дом Германа стоял на отшибе — массивный, рубленый, с высокими окнами, выходящими на сосновый бор. Анна любила это место за тишину, за запах дерева и хвои, за неторопливые вечера у камина. В последние годы эти визиты стали для неё редкой отдушиной — работа выматывала, Кирилл всё чаще пропадал на совещаниях, и часы, проведённые здесь, вдали от городского шума, возвращали её к какому-то давно забытому внутреннему покою.

Сегодня всё шло как обычно. Герман сам накрыл на стол — просто, по-мужски: запечённое мясо, крупно нарезанные овощи, свежий хлеб, бутылка красного. Он двигался по кухне чётко, без суеты, и в каждом его жесте чувствовалась военная выправка, оставшаяся с тех лет, когда он оперировал в полевых госпиталях.

Кирилл был оживлён сверх меры. Много шутил, рассказывал о новом проекте — крупный рекламный тендер, который его агентство почти выиграло. Анна слушала, подперев щёку рукой, и ловила себя на мысли, что давно не видела мужа таким воодушевлённым. Его глаза блестели, он взмахивал руками, рисовал в воздухе цифры гонораров. Герман слушал молча, изредка кивая, но Анна заметила, как он пару раз бросил на сына короткий оценивающий взгляд — цепкий, властный, которым он словно вскрывал.

После ужина Кирилл поднялся из-за стола.

— Пойду позвоню. Срочный рабочий момент, — бросил он, накидывая куртку. — Вы тут пока без меня. Я быстро.

Он вышел на крыльцо, и в прихожую ворвался холодный ноябрьский воздух. Анна принялась собирать посуду. Герман остался сидеть, потягивая чай. В камине потрескивали дрова, отбрасывая на стены длинные тени. Тишина была уютной.

Через десять минут Анна вышла на крыльцо — принести дров. Ноябрьский холод обжёг щёки, пробрался под тонкий свитер. Она уже взялась за ручку поленницы, когда услышала голос Кирилла. Он стоял внизу, у машины, прижимая телефон к уху, и говорил вполголоса. Ветра не было, и каждое слово долетало отчётливо.

— Да говорю же, Инга, всё решено. Она получает должность в середине декабря, и я сразу подаю документы. Ипотеку она потянет, она же не дура, зарплата у неё будет приличная. Подожди ещё месяц, и всё — мы вольные птицы.

У Анны похолодело внутри. Сперва мозг отказывался складывать слова в смысл. Отдельные фразы крутились в голове, как оборванные ленты: «она получает должность», «я сразу подаю», «ипотеку она потянет». Потом смысл сложился сам — как пазл, который ты не хочешь собирать, но пальцы двигаются помимо воли.

Кирилл рассмеялся чему-то, что сказала Инга. Это был лёгкий, счастливый смех. С ней, с Анной, он так не смеялся уже года два. Может, три.

Она стояла на крыльце, чувствуя, как холод пробирается под кожу уже изнутри. Не от ветра. От осознания.

Любая другая женщина вышла бы сейчас из тени, спросила бы в лоб. Или развернулась бы и собрала чемоданы. Или закатила скандал. Анна не сделала ничего. Она тихо, почти бесшумно, вернулась в дом, прижимая к груди два полена, которые успела взять.

Герман поднял на неё взгляд, и что-то в его лице изменилось. Он ничего не сказал — просто задержал взгляд на секунду дольше обычного. Властный взгляд. Он видел бледность, видел, как дрожат пальцы, сжимающие дрова.

Анна прошла к камину, положила поленья, выпрямилась. Подошла к столу, взяла свой бокал и выпила до дна. Красное вино показалось безвкусным.

— Что случилось? — спросил Герман.

Голос был спокойным, но в нём прозвучала сталь. Не вопрос — требование ответа.

— Ничего, — ответила Анна. — Всё в порядке.

— Ты врёшь.

Она подняла глаза. Герман смотрел на неё в упор, и этот взгляд — спокойный, тяжёлый, оценивающий — лишал последних сил притворяться. Он всё видел. Всегда всё видел. И сейчас, под этим взглядом, Анна почувствовала, как её оборона рушится, будто карточный домик.

Она опустилась на стул.

— Кирилл уходит, — произнесла она глухо. — Через месяц. Как только я получу повышение. У него другая женщина. Инга. Он уже всё спланировал.

Герман отставил чашку. Лицо его не изменилось, но что-то дрогнуло в уголках губ — то ли презрение, то ли горечь. Он отвёл взгляд к огню и долго молчал. Когда заговорил, голос был ровным, но каждое слово весило больше обычного.

— Ты собираешься устраивать скандал?

— Не вижу смысла. Что это изменит?

— Правильно, — кивнул он. — Скандал ничего не меняет. Он даёт иллюзию контроля, но контроль остаётся у того, кто подготовился. А он подготовился. Ты — нет.

Анна сжала зубы. Он был прав, и от этого становилось ещё хуже. Пять лет брака, а она даже не заметила, как стала разменной монетой в чужой игре.

— Оставайся здесь на несколько дней, — сказал Герман, поднимаясь. — Ему скажем, что помогаешь мне с отделкой второго этажа. А ты пока придёшь в себя и решишь, что делать.

— Что тут решать? — Анна усмехнулась невесело. — Муж меня использовал. Я потратила пять лет на человека, который считал меня банкоматом с функцией домработницы.

— Вот об этом и подумай, — Герман шагнул ближе. Теперь он стоял напротив, и Анна чувствовала исходящее от него тепло — или это был жар камина за спиной. — Не о нём. О себе. О том, как ты оказалась в этой ситуации. И как из неё выйти.

— Вы говорите так, будто это военная операция.

— Так и есть, — Герман впервые за вечер усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой. — Только оружие здесь — твоя голова.

Дверь открылась, впуская холод и запах автомобильных выхлопов. Кирилл вошёл, румяный с мороза, потирая ладони.

— Всё, утряс вопрос, — объявил он бодро. — Завтра подписываем контракт. Отец, у тебя там коньяк остался? Отметим.

Анна смотрела на него. На мужа. На человека, с которым прожила пять лет. Он стоял в двух метрах от неё, живой, до боли знакомый — ямочка на подбородке, мокрая от дождя чёлка, лёгкая небритость, — и она не чувствовала почти ничего. Только пустоту.

— Нет, — сказал Герман. — Анна останется у меня на несколько дней. Поможет с ремонтом. Ты всё равно занят.

Кирилл моргнул. На секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на подозрение, но оно исчезло так же быстро, как появилось.

— Да, конечно, — он развёл руками. — Я сейчас действительно в завале. Ань, ты не против?

Анна подняла на него взгляд. Спокойный. Почти пустой.

— Не против.

— Вот и отлично! — Кирилл подошёл, поцеловал её в висок. Анна не пошевелилась. — Тогда я, наверное, поеду сегодня, чтобы утром не толкаться в пробках. Ты как?

— Езжай.

Он не почувствовал. Не заметил. Через полчаса его машина скрылась за поворотом, и красные габаритные огни растворились в дожде. Герман закрыл дверь, повернул ключ в замке и прислонился спиной к косяку.

— Ну вот, — произнёс он, глядя на Анну. — Мы одни.

Тишина в доме стала другой. Гуще. Тяжелее. Анна вдруг остро осознала, что стоит напротив Германа — взрослого, непредсказуемого человека, которого она знала пять лет и не знала вовсе. Он смотрел на неё иначе, чем час назад. Или, может быть, это она начала смотреть иначе.

— Я постелю тебе в гостевой наверху, — сказал он наконец. — Там свежее бельё.

— Спасибо.

— Не благодари, — он оттолкнулся от косяка и шагнул к лестнице. — Я делаю это не из вежливости.

Он поднимался первым. Анна шла следом и смотрела на его спину — широкие плечи, уверенная походка. В голове билась одна мысль, которую она гнала, но которая возвращалась снова и снова: почему этот человек, сухой и жёсткий, с которым у неё никогда не было близости, оказался рядом именно сейчас? И почему она чувствует себя в его доме спокойнее, чем в собственной квартире?

У двери в гостевую он остановился.

— Если захочешь поговорить — я внизу, — сказал он. — Если нет — не разбуди.

И ушёл. Шаги стихли. Анна закрыла дверь, прижалась спиной к деревянной створке и медленно сползла вниз, на пол. Слёзы пришли не сразу. Сначала была дрожь — мелкая, противная, бьющая изнутри. Потом подкатил ком к горлу. Она зажала рот ладонью, чтобы не завыть в голос.

Где-то внизу, в гостиной, снова затрещали дрова в камине. Герман не ушёл спать. Он ждал.

И это ожидание было красноречивее любых слов.

Глава 2

Утро выдалось солнечным. За окнами гостиной сосны стояли в инее, и косые лучи пробивались сквозь ветви, рассыпаясь по полу золотыми полосами. Анна спустилась вниз рано, надеясь застать дом пустым, но Герман уже был на ногах — стоял у плиты, переворачивая что-то на сковороде. От запаха свежего кофе и поджаренного хлеба у неё засосало под ложечкой.

— Садись, — бросил он через плечо, не оборачиваясь.

Анна села. Стол был накрыт на двоих — две чашки, две тарелки, маслёнка, вазочка с джемом. Герман поставил перед ней тарелку с омлетом и сам сел напротив, подперев голову рукой.

Первые минуты ели молча. Анна чувствовала на себе его взгляд — спокойный, изучающий, — и это не вызывало желания спрятаться. Скорее наоборот: под этим взглядом она словно распрямлялась, возвращала себе какую-то давно утерянную ось.

— Ты спала? — спросил он.

— Немного. Часа четыре.

— Уже неплохо, — Герман отпил кофе. — Теперь поговорим.

Он не спрашивал разрешения — он ставил перед фактом. Анна вчера уже поняла эту его манеру: он не оставлял пространства для манёвра, но при этом не давил. Просто шёл прямо, как ледокол, и ты либо уступала дорогу, либо шла следом.

— О чём?

— О том, что ты будешь делать. Ты решила?

Анна отодвинула тарелку. Аппетит пропал.

— Я не знаю. Вчера была уверена, что разведусь молча. Сегодня... — она запнулась. — Сегодня мне хочется позвонить ему и наорать.

— Не звони, — отрезал Герман. — Он ждёт именно этого. Хочет, чтобы ты сорвалась. Тогда он сможет выставить тебя истеричкой перед общими знакомыми, перед судом, если дойдёт до суда. Ты знаешь его логику.

Анна знала. Кирилл был мастером переворачивать любую ситуацию так, чтобы виноватыми оказывались все, кроме него. Он мог опоздать на три часа — и сделать виноватой её, потому что она «не напомнила». Мог забыть о годовщине — и обвинить её в том, что она «слишком давит». Это работало годами. Годами она оправдывалась перед ним за то, в чём не была виновата.

— Тогда что? — она подняла на Германа глаза. — Сидеть и ждать, пока он подаст на развод сам? Играть в молчанку?

— Нет. Ты можешь ударить первой. Но для этого нужно подготовиться. Я дам тебе юриста. Хорошего. Не из тех, кого знает Кирилл.

— Почему вы это делаете? — спросила Анна в упор. — Он ваш сын.

Повисла пауза. Герман долго молчал, глядя в чашку. Потом поднял взгляд.

— Я люблю сына, — произнёс он медленно. — Но я не уважаю его. Это разные вещи. Я понял это давно. Он рос эгоистом, и в этом есть моя вина. Я мало им занимался после развода. Откупался подарками. Результат ты видишь.

Он замолчал. Анна ждала.

— Ты — лучшее, что было в его жизни, — сказал Герман тише. — А он этого не понял. Променял на интрижку с коллегой. Я не собираюсь покрывать его только потому, что он носит мою фамилию.

У Анны сжалось горло. Она не ожидала этих слов. Она ждала какого-то оправдания, защиты — пусть неловкой. А он говорил о Кирилле так, словно выносил приговор.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Не благодари пока, — Герман поднялся. — Я сказал, что делаю это не из благородства. Просто не терплю, когда пропадают ценные вещи.

Он отошёл к окну. Встал спиной, засунув руки в карманы домашних брюк, и смотрел на заснеженный бор. Анна смотрела на его спину и чувствовала странное тепло — не благодарность, нет. Что-то другое. Ощущение защиты. Ощущение, что кто-то взял её сторону не из вежливости, а потому что так решил. Так захотел.

— Чем займёшься сегодня? — спросил он, не оборачиваясь.

— Не знаю. Может, пройдусь.

— Иди. Тропа вдоль озера расчищена. К обеду возвращайся. Я позвоню юристу, он приедет завтра утром.

Анна кивнула, поднялась. Уже у двери остановилась.

— Герман Александрович.

— Да?

— Почему вы не женились снова? После развода?

Он обернулся. Взгляд стал другим — глубже, тяжелее.

— Потому что не встретил женщину, с которой захотелось бы просыпаться каждое утро, — он выдержал паузу и добавил едва слышно: — До недавнего времени.

У Анны всё оборвалось внутри. В очаге треснуло полено, выбросив сноп искр. Она не нашлась что ответить. Просто вышла на крыльцо, в морозный воздух, и глубоко вдохнула, чувствуя, как колотится сердце.

Она шла по тропе вдоль озера и думала. Думала о том, что пять лет убеждала себя в нормальности того, что нормальным не было. Думала о том, как Кирилл ни разу не спросил, чего она хочет. О том, как он принимал её заботу как должное. О том, как она сама позволила этому случиться.

И ещё думала о Германе. О том, как он смотрел на неё за завтраком. О том, как его слова повисли в воздухе: «до недавнего времени». Это могло ничего не значить. Или значить всё.

Ко второй половине дня погода испортилась. С севера потянуло сыростью, небо затянуло серым, пошёл мелкий дождь со снегом. Анна вернулась в дом, раскрасневшаяся с мороза, и застала Германа в гостиной — он разбирал какие-то бумаги, разложив их прямо на обеденном столе.

— Замёрзла? — спросил он, не поднимая головы.

— Есть немного.

— На кухне чай. Иди грейся.

Анна налила себе чаю, но вернулась в гостиную. Села в кресло у камина, поджав ноги, и молча смотрела, как он работает. Герман писал что-то от руки — быстро, размашисто. Иногда останавливался, перечитывал, вычёркивал. Эта сосредоточенность завораживала. В нём чувствовалась сила — не показная, а настоящая, взрослая, мужская.

— Что вы пишете? — спросила она наконец.

— Составляю список документов для юриста, — ответил он. — И прикидываю, что может использовать Кирилл. Он наверняка попытается оспорить раздел имущества. Нужно подготовиться.

— Вы так спокойно об этом говорите. Будто о бизнес-сделке.

— Потому что развод и есть сделка, — Герман отложил ручку и посмотрел на неё. — Чувства кончились. Остались активы. И тот, кто лучше подготовлен, выходит с меньшими потерями. Ты хочешь выйти с меньшими потерями?

— Хочу.

— Тогда перестань жалеть себя, — сказал он жёстко. — Жалость — плохой советчик. Она заставляет сидеть и ждать, когда всё решится само. А само — не решится.

Анна сжала чашку в ладонях. Внутри всё сжалось, но она понимала — опять прав.

— Мне страшно, — призналась она тихо.

— Знаю, — ответил он. — Но страх проходит. А унижение остаётся надолго.

Вечером снова сидели у камина. Герман пил коньяк, Анна — всё тот же чай. Разговор перетёк в другое русло — о её работе, о его клинике, о том, как странно поворачивается жизнь.

— Вы жалеете о чём-нибудь? — спросила Анна.

Герман усмехнулся.

— Жалею, что мало видел, как растёт сын. Жалею, что поздно понял про его мать. Жалею, что не встретил кое-кого раньше.

Он посмотрел на неё. Прямо. Открыто.

— Герман Александрович... — начала она.

— Герман, — перебил он. — Просто Герман. Я не на приёме.

— Герман, — повторила Анна, и это имя прозвучало иначе, чем раньше. Интимнее. Опаснее.

Она поднялась.

— Я, пожалуй, пойду.

— Иди, — сказал он. — Но дверь не запирай.

Анна застыла. Сердце забилось часто, тяжело. Она смотрела на него, он смотрел на неё. В камине трещали дрова. Дождь барабанил по крыше. В доме было тепло, тихо и так напряжённо, что воздух, казалось, можно резать ножом.

— Спокойной ночи, — произнесла она.

— Спокойной, — ответил он, и в его голосе прозвучала усмешка — не злая, но тёмная, много обещающая.

Анна поднялась по лестнице. Закрыла дверь в гостевую. Замок остался нетронутым.

Она лежала в темноте и смотрела в потолок. Сон не шёл. Она прислушивалась к звукам дома. Шаги Германа внизу. Скрип половиц. Тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.